

Четверг, 30 мая 1991 года

Воскресенье, 3 июня 1991 года

Театр: проблемы Малого

ПОСЛЕ ВОЗВРАЩЕНИЯ В «ДОМ ОСТРОВСКОГО»

РАССКАЗЫВАЕТ МИНИСТР КУЛЬТУРЫ РСФСР ЮРИЙ СОЛОМНИН

— Юрий Мефодьевич! Отрешили отбойные молотки и буровые установки, улеглась цементная пыль, закончили отъезды дружины и разгребание полей, теперь за два года распахнулся занавес большой сцены, и актеры вышли на эту сцену... Отшумели страдания массовых информаций: Малый театр отерпел! Можно ли считать, что с этого момента театр ждёт, а в какой-то степени, новая жизнь?

— Отрешено, отшумело... Конечно, это своего рода этап, который более или менее благополучно завершён, но... У нас нет ощущения, что вот она, работа, наконец, начинается. Нет ощущения, потому что она, работа, жизнь, собственно, не прекращалась ни на минуту. Даже более того, пожалуй, за последнее обзорное время — два года ремонта в творческом отношении для Малого театра была чуть ли не самая плодотворная. Впервые, скажем, национальный характер. Эстетические усилия в России всегда вымывали к жизни какие-то скрытые записи.

Так или иначе, но за эти два года, что родное нам, да и всем москвичам здание было обнесено забором, театр выпустил шесть премьер, на подходе ещё две репетиции которых также начались, а это самое тяжёлое для коллектива время. Чего нам это стоило? Это, как говорится, одному Богу известно, даже тем людям, что приносили нам на помощь. Тяжко нам было? Очень.

Судите сами. При огромной трудноте в одну минуту оказалась без основной сцены... Ушли из репертуара многие спектакли. Правда, что греха таить, некоторые из них нам жалко, и мы, по возможности, будем стремиться их восстановить, а некоторых — как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. Но вы понимаете, каких количество артистов, и надо вам сказать, профессиональных артистов, осталось без работы. Обиды, моральные травмы... Артист — штука тонкая. Это уж вы мне поверьте, по себе знаю. Именно этими причинами мне бы хотелось объяснить и некоторые нападки на театр со стороны наших же артистов. Часта подобная реакция неадекватна в печати. Не стесня выступать сейчас ни с кем в полемике, но замечу, что говорить о том, что Малый театр не говорит и не хочет приглашать известных режиссёров, несправедливо по двум статьям.

Во-первых, согласитесь, что, имея в распоряжении одну и не лучшую сцену сценического пространства, трудно, да и неосмотрительно раздвигать приглашения направо и налево.

А во-вторых, тем не менее в этом сезоне у нас работали художественные руководители театров из Израиля и Германии, поставив два спектакля, занявших вполне достойное место в нашей филе. Это «Мещанин во дворянстве» Мольера и «Беглец из Хайльбронна» классика немецкой драматургии Кнеллера.

Простите, Юрий Мефодьевич, не могу удержаться и не использовать удачный момент для следующего вопроса. Репертуарная политика театра сейчас и в перспективе? — Репертуарная политика Мало-

го театра вот уже два сезона стоит, в основном, на классике. Это было, своего рода, моей программой, когда меня избрали художественным руководителем, и этой программой я намереваюсь придерживаться и далее. Малый театр — старейший драматический театр России, его подмостки, его стены помнят и хранят дух и традиции культуры российской, мировой культуры. Такой театр, театр, ставящий своей задачей сохранение и развитие традиций, имеет право на существование в любой стране, и во многих странах такие театры существуют. У нас же сам Бог велел таким театрам быть именно Малому.

Ну, а кроме того, нет нужды говорить о том, что классику, как говорится, играть — не переиграть. В любом классическом произведении не достать до дна, и не одному поколению есть над чем работать. Причем, стараясь найти только то, что заложено самим автором, без всяческих архимовских штук, без вывертов, без дописывания Чехова и усечения Островского, тому пример, ровным. На это тема для отдельного разговора. Скажу только, что уважительно, бережно и внимательно прочтение классики даёт куда более значительные плоды, чем попытки самовыражения при помощи дописывания к ней почтения.

— Как говорится, в зубах уже заявляла фраза из одноимённого фильма Говорухина «Так жить нельзя». И тем не менее хочу воспользоваться ею для следующего вопроса. Что ждёт Малый театр в эконимическом плане? Возникнет ли у него принципиально новая структура и организации? Ведь, действительно, сегодня так жить нельзя.

— Совершенно верно. Сегодня нельзя, а вы даже сказали, вчера уже было нельзя. То, что происходит в стране, вокруг нас, заставляет искать новые средства и возможности для существования. В этом плане Малый театр в очень сложном положении. Ведь это, пожалуй, самый большой театральный коллектив страны. Я имею в виду количество людей, которые в нем работают. Людей, проработавших не один десяток лет, создавших династии. И не только актёры, у нас есть династии гримеров, костюмеров, мастеров многих цехов, и мы их бережно сохраняем, несмотря на трудности последних лет. Вопрос

чудовищно сложный, но который надо решать. И нельзя спешить, и нельзя затыкать.

Ведь жесткая действительность обступила со всех сторон. Существуют магазины с договорными ценами, кстати, не пойму, кто с кем договорился, существует инфляция, вахханалия с валютой. Куда ни сунься, везде с тобой валюту требуют. Мы приглашаем иностранного режиссёра плати за гостиницу валютной, за самолет — валютной. Приезжает к нам зарубежный театр — оплати за аренду валюту выходящей. Ей Богу, прямо хоть объявление в кассе театра вывешивай: «Билеты на спектакли оплачиваются частично в СКВ». В общем, надо решать, как нам жить дальше.

— А нельзя ли в духе споры, поворачивать?

— Есть много вариантов, но, на мой взгляд, наиболее приемлемый — это контрактная система. В конце концов Малый театр когда-то работал на контрактной системе, и только на ней.

— Но в другой системе — государственной?

— Да, конечно. Было бы важно считать, что при существующих зарплатах можно переводить людей на контракты. Контракт предполагает известную долю риска, а риск должен быть оплаченным. У людей должна быть гарантия. Вот продумать все, связать концы с концами и понять, как это должно быть в нашем театре, — одна из самых животрепещущих задач, и мы во сейчас заняты, потому что промедление — смерти подобно.

— Юрий Мефодьевич, в заключение, задаю вопрос об области финансирования. Предлагаю себе, что вы можете всё? Что бы вы сделали для Малого театра?

— Если бы я мог всё, я бы сейчас всем без исключения работникам Малого театра — от директора до уборщицы — отправил бы отдухи. На самые переклассные курорты. Все в Малом театре это заслужили. Но, поскольку я могу не всё, то я не в состоянии сегодня выбрать для них более или менее достаточное количество путевок в дома отдыха и санатории, отнюдь не мирового класса...

Интервью вел
Ирина КМИТ.